

должны учиться у него современные писатели? На все эти вопросы даются далеко не однозначные ответы. По-разному, с разных позиций и точек зрения рассматривается и оценивается Толстой в странах Востока. «Толстой столь многообразен, — писал индийский литератор Бхарат Бхушан Аграваль, — что когда Джайнендра Кумар или Деврадж говорят о нем, то кажется, что они имеют в виду разных писателей. Первый находится под влиянием «риши» (мудреца) Толстого, близкого по духу традиционному индийскому образу мыслей, отличающемуся религиозностью, поисками высшей истины, отказом от мирских благ. Второго же привлекает Толстой-художник. Он восхищается его бессмертными творениями „Войной и миром“ и „Анной Карениной“»⁹. Весьма примечательно, что совершенно различные по своим идейно-эстетическим взглядам писатели обращаются к творческому опыту Толстого. Так, например, близкий к социалистическому реализму крупный индийский прозаик Яшпал писал: «Ближе всех из зарубежных писателей мне по духу Толстой и Тургенев»¹⁰. Б. Б. Аграваль писал, что выступающий с традиционалистских позиций прозаик хинди Дж. Кумар «больше, чем на чей-либо другой, опирается на творческий опыт Толстого»¹¹.

Не только индийские литераторы, у которых толстовские идеи сплетаются с гандистскими, но и традиционалистски настроенные писатели других стран Востока также пытаются найти опору в толстовской проповеди всепрощения, результатом чего являются произведения, вступающие в противоречие с жизненной правдой, призывающие к затушевыванию социальных противоречий, к сглаживанию классовых конфликтов. В романе турецкой писательницы Халиды Эдиб «Старая лавка» (1936), в котором она отходит от прогрессивных кемалистских идеалов, идея всепрощения, примирения со злом проявляется в своеобразном синтезе с суфизмом. Освобожденные из заключения после революции 1908 г. патриоты прощают своего мучителя-палача, который под влиянием их великодушного поступка подает в отставку и, «просветлев душой», становится честным и гуманным человеком.

Акцентируя внимание на непротивленческих взглядах, на доктрине морального самосовершенствования, литераторы, выступающие с позиций буржуазно-помещичьих кругов, порой стремятся затушевать остроту демократических идей Толстого, подвергают критике социальную направленность его творчества. Так, накануне революции 1952 г. египетский критик Селим Саад критиковал Толстого за то, что в своем призыве к социальной справедливости, к равенству он якобы покушался на права человека, хотел принести их в жертву интересам крестьянской общины. Выступления Толстого против частной собственности, против деспотизма самодержавия другой египетский критик Камель Зухер рассматривал как дань Толстого анархизму и т. д.¹²

С ростом национального и классового самосознания постепенно меняется в странах Востока и отношение к мировоззрению Толстого. Турецкий литератор Раиф Неджет в 1912 г. обращал внимание на призыв Толстого к мировому братству и равенству, к слиянию с природой, на критику Толстым городской цивилизации и т. д. Этот же автор в 1919 г. подчеркивал роль Толстого в пробуждении революционных настроений в России. «Его произведения пробуждают бунтарский дух, революционные чувства, общественное сознание»¹³, — писал он.

Великая Октябрьская социалистическая революция, пробудившая народы Востока, вооружившая их ясной перспективой в борьбе за осво-

⁹ Бхарат Бхушан Аграваль. Западное влияние на роман хинди, Дели, 1972, с. 279 (на яз. хинди).

¹⁰ Там же, с. 149.

¹¹ Там же, с. 249.

¹² Факты взяты из рукописи статьи египетского литературоведа Макарем аль-Гамри «Толстой в оценке арабской критики» (Египет, 1945—1970 гг.).

¹³ Rauf Neddet. Nayati edebieue. Ist. 122, sau. 323 (на турец. яз.).